

ЗАСЛОН

Литрес

Один день доктора

Полина Орлова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Орлова
Один день доктора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69288793

SelfPub; 2023

Аннотация

История о недалеком будущем, наркотиках, секте, симуляции и международной корпорации.

Полина Орлова

Один день доктора

– Трррррррррррррр.

Мой мозг пронзила резкая трель будильника. Не открывая глаз, я попытался нащупать рядом с собой телефон. Я выключил его и отбросил в сторону. Всё таки мне пришлось открыть глаза. На часах восемь часов вечера. Пора собираться. Я медленно спустил ноги с кровати, голова раскалывалась невыносимо. «Надо выпить таблетку, иначе я не вытяну», – подумал я.

В душе холодная вода немного привела меня в чувство. Я посмотрел на себя в зеркало и увидел, что лицо осунулось еще больше. Под глазами залегли глубокие тени. Когда в последний раз я нормально спал, я не помнил. Я налил себе кофе и закинул на язык таблетку от головной боли.

Почувствовал, как тупая боль наконец-то начала отступать. Теперь надо одеться. Главный элемент моей спецодежды – это темный плащ с капюшоном. Чем меньше людей запомнят мое лицо, тем лучше. Особую опасность собой представляют камеры с распознаванием лиц. Они находятся везде, и вся информация с них мгновенно отправляется в центры социального контроля. Поэтому лицо никогда не должно быть видно.

Я несколько раз перепроверил содержимое своего дипломата. Единственное, что мне осталось сделать перед тем, как выйти, это послать сигнал в Центр и включить прослушивающее устройство. По правилам, Центру необходимо знать все, что происходит со мной и с товаром. Клиенты тоже об этом знают. Кроме того, в моем правом бедре, а также в дипломате находятся маячки с GPS, которые позволяют Центру отслеживать меня и товар. Всё, я приготовился к выходу в город.

Прага встретила меня неоновыми огнями и непроницаемой стеной дождя. Мой путь пролегал на Староместскую площадь – исторический центр города, которому удалось сохранить свой первоначальный вид. Там находятся все популярные заведения. Днем они привлекают туристов, а ночью становятся центром притяжения для криминальных и около криминальных субъектов. Моя первая встреча за сегодняшнюю ночь должна состояться в стриптиз-клубе «У синей кошки». Иронично, что кошками в чешском сленге как раз таки называют молодых и красивых девушек. Я знаю чешский, хотя по большому счёту он мне не нужен. Весь мир уже более семидесяти лет говорит на международном языке, смеси эсперанто и китайского.

До площади мне добираться недолго. Поэтому я решил крюк, чтобы посмотреть на ночной город. Меня окружили яркие неоновые высотки вперемешку с изящными постройками арт-деко. Неоновый свет отражался в лужах и дожде-

вых каплях, поэтому казалось, что все вокруг светится. По улицам с ревом неслись машины, где-то неподалеку кто-то плакал. На противоположной улице слышались смех и музыка. Уличные музыканты приманивали посетителей в рестораны с традиционной чешской кухней. Ярко покрашенные девушки пробегали мимо, спеша куда-то.

Стриптиз-клуб «У синей кошки» вырос передо мной, блистая огнями. Вышибала на входе пропустил меня вперед, и меня тут же оглушила музыка. Зал стриптиз-клуба – полутемное место с островками света и плюшевыми диванами, на которых восседающие клиенты с вожделением смотрели на сцену. На сцене тонкая вертлявая девчонка с мальчиковой стрижкой сливалась воедино с шестом и призывно двигала бедрами.

Стараясь на нее не отвлекаться, я окликнул одну из официанток, снующих туда-сюда с подносом: «Эй, милая, позови мне хозяйина, скажи, что пришел доктор и принес капсулы». Девушка кивнула и скрылась где-то на втором этаже. Я посмотрел на сцену. Вертлявая брюнетка уже закончила номер, и ее сменила фигуристая блондинка в крохотных шортах. Уголкем глаза я заметил, что брюнетка заняла место на коленях у одного из гостей. Она пила что-то из бокала и переодически скидывала его руку со своего тонкого бедра.

Мои наблюдения прервал радостный возглас, возникший из неоткуда: «Господин доктор, наконец-то вы здесь!» Это был хозяин заведения, пан Штепанек. Он толст, лыс и владе-

ет всем игорным бизнесом в Чехии, а также всеми заведениями с девочками. Ну а кроме того, он наш постоянный клиент. «Киса,» – он схватил за руку одну из пробегающих мимо официанток, – «оформи мне 100 граммов коньяку с лимоном. А для вас?» – Он посмотрел на меня. «Кофе, пожалуйста, только кофе» , – сказал я девушке. «Ну что ж, – обратился ко мне Штепанек, – пройдемте ко мне наверх, здесь решать дела решительно бесполезно».

В последний раз я захотел посмотреть на тонкую брюнетку, все также сидящую на коленях. И тут я заметил, как она аккуратно достала маленький пакетик из своего лифчика, вскрыла его и всыпала что-то белое в бокал клиенту. Он же в это время отвлекся на другую танцовщицу. «Эй, ты что делаешь!» – закричал я. Девчонка попыталась спрятать пакетик обратно, но было уже поздно. Ее поймали с поличным. «Ах ты дрянь» – Штепанек отреагировал первым. В три прыжка он подбежал к девушке, скинул ее с клиента и заломил ей руку. «Ты что, отравить меня хотела?!» – клиент в изумлении посмотрел на девушку, потом на нас. «Я сейчас же вызываю полицию!» – его гнев начал набирать обороты.

«Это было всего лишь слабительное, я не хотела никого убивать» – девушка сжалась в комок. «Молчи, а то сделаешь себе еще хуже!» – отвесил Штепанек ей звонкую пощечину. А затем обратился к клиенту, который уже кому-то звонил: «Послушайте, я прошу прощения за созданную ситуацию. Я очень не хочу привлекать полицию, так как здесь отды-

хает очень много уважаемых людей – он многозначительно посмотрел на раскрасневшегося клиента – поэтому, если вы позволите мирно урегулировать конфликт, буду вам очень благодарен». Штепанек заискивающе улыбнулся.

– Мирно?! Она ведь пыталась меня отравить! – раскраснелся клиент еще больше. Я огляделся. Вокруг нас начинала собираться толпа. Мне было слышно, как официантки перешептываются между собой.

– Послушайте, я не несу ответственности за действия своих сотрудников, но я прошу принять мои извинения, если вы, конечно, в силах меня простить, – сделал акцент Штепанек на слове «простить», – если пожелаете, то сегодня для вас все бесплатно. Абсолютно все. И вам вернут все потраченные за сегодняшний вечер деньги.

– Абсолютно все? – было видно, как слова Штепанека заставили клиента усомниться.

– Абсолютно! – подтвердил хозяин. – Все услуги, приватные танцы, лучшие девушки, еда, выпивка, все для вас!

– А с ней что будет? – клиент кивнул на девушку, которая от его слов стала еще бледнее.

– Она получит то, что полагается получать в таких случаях. Михал! – окликнул он вышибалу, – запри ее в подсобке, я с ней потом разберусь.

Двухметровый татуированный Михал схватил девчонку в охапку и направился сквозь толпу. Брюнетка истошно кричала и вырывалась: «Что вы со мной делаете?! Я никого не

хотела отравить! Это – слабительное, сукины дети!» Толпа молча проводила ее взглядом. «Шампанского всем!» – провозгласил Штепанек. «Вечер продолжается!» Люди стали потихоньку расходиться. Только официантки забегали чаще, разнося бесплатное шампанское. Чуть не отравленного клиента увела под руку блондинка в микро шортах.

– Надеюсь, это все вас не смутило, – обратился Штепанек уже ко мне.

– Нет, все в порядке.

– Ну тогда пройдемте, – он широким жестом пригласил меня наверх.

Его кабинет разительно отличался от обстановки внизу. Никаких плюшевых диванов, неоновых светильников и ярких пятен. Кабинет выглядел как кабинет какого-нибудь крупного директора предприятия в прошлом столетии. Всем своим видом он давал понять, что здесь решают важные дела.

– Присаживайтесь, господин доктор, – толстяк жестом показал на кресло напротив своего рабочего стола. В кабинет бесшумно вошла официантка с подносом, поставила коньяк и кофе на стол, а затем также бесшумно исчезла за дверью.

– Ну, сначала выпьем, – Штепанек поднял бокал, сделал маленький глоток и закусил лимоном. Я последовал его примеру и сделал глоток кофе.

– Теперь можно к делу, – Штепанек довольно потянулся, как кот на солнце. Я положил дипломат на стол. Ште-

панек с нетерпением заерзал на стуле, потирая руки. Я открыл дипломат, и всю комнату озарило легкое свечение. Даже несмотря на то, что капсулы были упакованы в полиэтилен, от них исходил свет. Штепанек задвинул шторы на окне.

– А то мало ли, кто-то увидит, – объяснил он мне.

– Как наш постоянный клиент, вы и так знаете все. Но я все же должен вам рассказать, протокол обязывает, – обратился я к Штепанеку. Он нервно кивнул. «Розовые капсулы – это влюбленность, желтые – эйфория, голубые – страх, красные – ярость. Желтые подарят удовольствие, красные дают сильную мотивацию и притупляют восприимчивость к боли и физиологическим потребностям, таким как голод или сон. Голубые подарят вам подобный эффект. Влюбленность – самая непредсказуемая. Хотя, многие именно из-за нее и берут. И напоминаю вам главное правило. Их ни в коем случае нельзя смешивать. Никто не знает, к каким последствиям это может привести и что это с вами сделает. Вот здесь ваш заказ, можете его просмотреть».

Эмоциональная Капсула, в простонаречии эмка, первоначально была разработкой военных инженеров, желающих повысить у солдат эмоциональную выносливость и невосприимчивость к внешним факторам. Но проект быстро вышел из-под контроля спецслужб. Синтетический наркотик, выведенный из животных гормонов, оказался слишком непредсказуемым, и поэтому сильно популярным. В век искусственного интеллекта люди истосковались по эмоциям.

Хоть и синтезированным, но все же живым. Приход от эмка был таким сильным, что многие верили, что под его влиянием попадают в другую реальность. Поэтому эмка быстро завоевал популярность, хотя его производство и транспортировка были многозатратным и невероятно сложным предприятием.

Самая крупная лаборатория по его производству находилась в Гонконге. Собственно, та партия, которая сейчас находится в дипломате передо мной, произведена там. Транспортировка такого наркотика – очень опасное мероприятие, поэтому она осуществляется в несколько этапов. Сначала партию изготавливают, затем проводится онлайн-предпродажа. Вся изготовленная партия распределяется между клиентами заранее. Объявляется, сколько в этот раз было изготовлено капсул каждого вида, и клиенты пишут, сколько капсул они хотят приобрести. Вся партия упаковывается, и потом специальные люди доставляют ее в центры продажи. Сейчас это: Прага, Берлин, Рига, Рио, Пекин и Лос-Анджелес. В этих точках перевозчики передают товар нам, докторам. Нас называют докторами, потому что сам наркотик выглядит как желатиновые капсулы с лекарством внутри. После доставки товара в точку клиенты слетаются за ним отовсюду, как пчелы на мед. Если кто-то из них отменяет сделку, он теряет возможность когда-либо покупать у нас. Такова политика Центра. Моя задача – передавать клиентам товар и контролировать перевод денег в Центр. Никто не хочет

связываться с моими хозяевами, поэтому кражи или попытки убийства исключены. Все наши клиенты – деловые люди. Среди них политики, знаменитости, спортсмены, бизнесмены. Все те, кому невыгодно, чтобы употребление ими эмка стало достоянием общественности. Поэтому сделки проходят чисто. Я прибываю на место, где клиент получает уже упакованный товар. Я сразу составляю отчет о продаже в Центр. Клиент переводит деньги. Все максимально прозрачно. Если со мной или с товаром что-то случится, подозреваемого найдут мертвым в течение трех дней. Найти виновных легко, так как в то время, пока товар еще не распродан, у меня все время включена прослушка. Центр отслеживает и прослушает каждый мой шаг.

– Хм, – Штепанек отвлек меня от моих мыслей.

– Все так? – спросил я у него.

– Да, все идеально.

– Тогда я составляю отчет о продаже. Мне нужна ваша цифровая подпись и отпечаток среднего пальца. Все как обычно. Теперь задокументируем процесс перевода денег. Номер счета вы знаете.

Прошло буквально пару минут, и на мой телефон пришло оповещение.

– Деньги переведены в центральный офис. С вами приятно вести дело, господин Штепанек.

– С вами тоже.

Мы со Штепанеком пожали друг другу руки. Я одним

глотком допил кофе, который уже успел остыть. В это время Штепанек спрятал капсулы в сейф. Я встал. «Вам сообщат, когда будет следующая партия. Всего доброго». Штепанек кивнул мне в ответ: «Всего доброго. Если пожелаете выпить внизу в баре, не стесняйтесь. Скажите, что от меня».

– Спасибо.

Пить мне не хотелось. Не люблю работать пьяным. Я вышел на улицу, дождь все еще не прекратился. Я плотнее укутался в свой плащ и натянул на голову капюшон. До следующей встречи у меня было еще время, я думал куда мне пойти. Обрато в клуб к Штепанеку мне не хотелось. Там – самая разнообразная публика и лишний раз показываться мне не следовало. Я решил зайти к ближайшее кафе, выпить кофе и почитать новости. Головная боль начинала возвращаться, поэтому мне была необходима еще одна таблетка.

– Эй ты! – меня окликнули сзади. Я обернулся. Передо мной стояла та самая темноволосая танцовщица из клуба Штепанека, облаченная в короткое меховое пальто и полусапожки.

– Ты здесь откуда? Тебя же заперли?

– Сбежала, – она игриво щелкнула языком, – подкупила одного бармена. А ты куда идешь?

– В кафе хотел зайти, – я посмотрел на нее.

– Ну тогда пойдём. Угостишь меня кофе. Ты мне должен вообще-то, – девушка взяла меня под руку.

– В каком это смысле должен? – я опешил.

– Меня из-за тебя из клуба выгнали!

– Ты пыталась отравить человека!

– Еще раз говорю, я не пыталась никого отравить! Это было слабительное. Да, признаю, хотела залезать к нему в кошелек, когда он отойдет. Ну и что, многие девчонки у нас так делают.

– Штепанек вам не платит, раз вы воруете у клиентов?

– Куда там, он забирает все себе. Нам остается самый минимум. Меньше нас только официантки получают, – она оскалила зубы. Секунду она молчала, потом спросила: «Ну что, будешь джентльменом, угостишь меня? За мной приедут только через час. Все равно делать нечего. А так общаемся». Я не хотел с ней идти, я знал, что это небезопасно. Совсем небезопасно. Меня крупно оштрафуют, так как во время работы я связался с посторонним. Но она посмотрела на меня так, что я тут же забыл о всех штрафах.

Когда мы зашли в кафе, девушка отпустила мою руку и снова глянув мне в глаза, спросила: «Сядем у окна?» И не дождавшись ответа, она побежала вперед и с разбегу уселась на стул. «Вот меню» – сонная официантка явно была не рада поздним гостям. Кроме нас в кафе была еще от силы пара человек.

– Мы закрываемся через час.

– Нет проблем, – моя спутница широко улыбнулась официантке. «Ты что будешь?» – она перевела взгляд на меня.

– Просто кофе и стакан воды, пожалуйста.

– Только кофе? Я буду кофе со взбитыми сливками, мохито и вон тот шоколадный торт, что стоит у вас в витрине.

– А не слишком ли ты много всего берешь? – спросил я ее.

– Так не я же за это плачу, – девушка хихикнула. «И принесите еще пепельницу», – она кивнула официантке. На ее правом запястье я заметил татуировку в виде черного креста. Увидев, на что я смотрю, она натянула рукав полушубка так, чтобы татуировку не было возможности разглядеть. Затем она закурила и внимательно посмотрела на меня: «Ну так и чем ты занимаешься? Штепанек вокруг обычных людей так не вьется. Он тебя называл доктором, но явно ты к нему не грыжу приходил лечить».

– Давай так, я заплачу за тебя, а ты за это помолчишь. У меня голова болит, – предложил я.

– Мигрени? – участливо спросила она. «Дай помогу». Она скинула остатки сигареты в пепельницу и протянулась ко мне через стол.

– Что ты делаешь?

– Помолчи, – сказала она и начала мягко массировать мне виски. С каждым движением ее прохладных пальцев боль начинала отступать.

– Полегчало? – прошептала она. Ее лицо находилось так близко, что я мог сосчитать веснушки на ее носу.

– Да, ну как тебе получилось?

Она откинулась назад и вернулась к своему непринужден-

ному тону. «Я нужные точки знаю. Вообще я на массажистку училась, только вот не доучилась».

– Почему?

– Преподавательница стервой оказалась. Не простила интрижку со своим мужем и выгнала меня с курсов. Хотя у нас по большому счету ничего и не было, – она пожала плечами. «О, наш заказ несут».

– Тебя как зовут? – спросил я, наблюдая, как она ест торт.

– Рита. Приятно познакомиться. А ты?

– Антон, – сказал я, ощущая, что какая-то часть меня дрогнула. Давно уже я никому не представлялся по имени.

– И так, Антон, так чем ты все-таки занимаешься?

– Компьютеры чиню.

– Ага, а доктором называешься потому что от вирусов лечишь?

– Что-то вроде того.

– Не делай из меня дуру, я вижу твой чемодан, – она кивнула на дипломат. «Он не выглядит как ящик с инструментами. Тем более у Штепанека в кабинете нет компьютера. За него всю письменную работу секретарша делает. Так кто ты такой?» – она внимательно посмотрела на меня. «Камер боишься, я видела как ты закрывался в плащ, когда мы сюда шли. В глаза не смотришь, дипломат у тебя странный. Выглядишь приятно, но в толпе бы я тебя не заметила. Слишком обычный. Ни имплантов, ни вшитой электроники. Ты торгуешь, явно чем-то дорогим, иначе Штепанек себя бы так

не вел. И явно чем-то опасным, раз так боишься привлечь к себе внимание».

– А ты умная.

– Я знаю, спасибо. Я хоть и работаю в стриптизе, но я не дура.

Тут ее глаза округлились. «Ты – доктор! Ну, конечно! Ты эмка перевозишь! Вот почему Штепанек так себя вел! Он же на них сидит!»

– Тише, – прошипел я, оглядываясь вокруг. На нас никто не обратил внимания.

– Ты же городская легенда! Я знала, что вы существуете, но чтобы так просто тебя встретить... Капсулы у тебя здесь? – спросила она, кивнув на дипломат. «Они же бешеных денег стоят! Одна – как моя зарплата за полгода!» Я боялся, что ее восторженный голос привлечет к нам внимание.

– Тише, – снова прошипел я.

– А ты не боишься, что тебя найдет Заслон? Я в новостях видела, что их меры ужесточились.

И она была права. Мы не боялись ничего, ни мафии, ни правительств. В любой структуре у нас были клиенты, которым было выгодно сохранять с нами отношения. Но только не с Заслоном. Заслон – международная организация, борющаяся с наркотрафиком в мире. Она финансировалась на деньги религиозных фанатиков и просто равнодушных граждан. С Заслоном пытались бороться правительства разных стран, но это лишь спровоцировало демонстрации. Про-

стыми людьми они воспринимались как герои и каратели, искореняющие химическое зло. Попав в Заслон, шансов вернуться обратно у тебя уже не было. Весь товар уничтожился, а распространителей, в том числе и нас, докторов, ждала колония, откуда невозможно было выбраться. Попавшим в Заслон не мог помочь никто. Ни правительство, ни Центр не хотели иметь с ними никакого дела.

– Мне выйти надо, – прервав мои мысли, Рита сделала глоток мохито и подмигнула мне. «Не скучай, я ненадолго», – виляя бедрами, она удалилась в дамскую комнату. Я сидел в одиночестве и пил кофе. «Наверное, это будет мой последний товар», размышлял я. «Устроюсь на нормальную работу, найду девушку. Может Риту пригласить? Надо спросить ее контакты. Или не надо...»

– Не скучал? – раздался голос Риты у меня над ухом.

– Ты быстро.

– Ну, я же говорила. Закажешь еще что-нибудь? – она кивнула на пустую чашку передо мной.

– Уже нет, мне пора. Я расплачусь и пойду. Приятно было познакомиться с тобой, Рита.

Она вспорхнула и пересела ко мне.

– Останься со мной еще на чуть-чуть, пожалуйста, – она обвила мою шею руками, – хочешь, я тебе еще массаж сделаю.

– Слушай, мне пора. Я не могу опоздать на встречу.

– Ну еще чуть-чуть, – я чувствовал ее дыхание на своей

щеке. Она закинула на меня ногу.

– Слушай, мне действительно пора, – я спихнул ее с себя.

– Ну как хочешь. Тебе бы понравилось.

– Можешь мне номер оставить, я загляну, – усмехнулся я.

– Не надо, мы с тобой уже не встретимся, – она посмотрела мне в глаза.

– В каком смысле?

– Подразделение Заслон, всем руки за голову! – в кофейню ворвалось четверо людей с оружием. «Никому не двигаться!» Официантка громко закричала.

– Это все ты! – я с ненавистью посмотрел на Риту.

– Заслон платит за доктора 2000 американских юаней, я на эти деньги год жить могу. А я по твоей милости с этого вечера безработная, – Рита усмехнулась. «Сержант, вот он, здесь! Это я звонила!»

– Молчать. Никому не двигаться!

Реагировать надо было быстро. Нам редко приходится пользоваться оружием, но сейчас именно такой случай. Я схватил Риту и приставил пистолет к ее виску. Рита закричала. Свободной рукой я схватил дипломат. Рита и официантка не прекращали кричать.

– Открыть огонь! – скомандовал тот, кого Рита назвала сержантом.

– Но там же гражданские!

– Вы не слышали мой приказ? Огонь!

Воздух наполнился шумом выстрелов, криками и дымом.

Я швырнул Риту на пол и нырнул за барную стойку. «Ключи от черного входа, быстро», – крикнул я официантке. «А то пристрелю к чертям». Я продолжал отстреливаться, пули сыпались вокруг меня. Пятясь задом я проник в кухню. Оттуда рукой подать до черного входа. В одного я попал, осталось трое.

Тут я почувствовал острую боль в правом плече. «Меня подстрелили», – понял я, чувствуя, как теплая кровь стекает по руке. В голове все затуманилось, перед глазами поплыла пелена. Они кинули дымовую шашку в кухню. Все оказалось в дыму, и я перестал видеть. Моя последняя мысль была о том, что прослушка была включена все это время. Центр знает, что я и товар у Заслона. После этого я отключился.

Когда я очнулся, то обнаружил себя лежащим на бетонном полу тюремной камеры. Было очень холодно. Я прощупал все свои карманы и понял, что у меня все вытащили. Оружие, документы, электронику, деньги из внутреннего кармана, и даже жевательную резинку. Болело не только плечо, но и правое бедро. Я приспустил штаны и увидел, что они извлекли маячок. Ходить и двигать рукой мне было чудовищно больно.

Я не знаю, сколько часов я провел в камере. За это время там никто так и не появился. Я знал, что обречен. Центр никогда не посылает за докторами, которых поймал Заслон. Неизвестно, сколько времени я здесь еще пробуду, прежде

чем они приступят к пыткам. Пыткам подвергался каждый доктор за торговлю наркотиками. После меня отправят работать в колонии, где для меня все и закончится. Я также думал о Рите. Маленькая тощая дрянь. Хотя сам виноват. Знал ведь, как опасно.

Не знаю, сколько прошло времени. Я сидел и смотрел за дверь за решеткой, ожидая своей участи. Меня начинало клонить в сон, когда я услышал шум за дверью. Внезапно дверь распахнулась, и в ярком свете я увидел силуэт человека. «Теперь точно все», – подумалось мне. Я закрыл глаза и приготовился встретить свою участь.

– Антон, вставай давай, у нас мало времени. Что ты здесь расселся?

Я открыл глаза и не поверил им. Передо мной стоял Крыс, мой старый знакомый. Настоящего его имени я никогда не знал. Раньше он отвечал за Прагу и был доктором. Он представлял для Центра большую ценность, пока серьезно не увлекался химией и не предпринял попытки объединить все виды эмка воедино. Кроме того, у нас ходили слухи, что Крыс попал в секту, использующую эмка для каких-то чудовищных экспериментов. В последний раз я видел его несколько лет назад, и со дня нашей последней встречи он сильно постарел. На правом его запястье я увидел вытатуированный черный крест. У меня возникло ощущение, что такой крест я уже у кого-то видел.

– Ну, Антон, вставай же. Ты уснул, что ли? – сказал Крыс.

– Плечо сильно болит. И нога, – ответил я.

– Подстрелили?

– Да.

– Ладно, у нас тебя обработают. Давай, надо отсюда выбираться.

Крыс помог мне встать. «Тебя надо спрятать. После побега твои фото будут везде, тебе ни в коем случае нельзя будет даже выходить. Поживешь у меня какое-то время», сказал он.

– Как ты меня нашел? Тебя прислал Центр? И как ты сюда попал? Ведь База Заслона в Чехии засекречена! – я засыпал его вопросами.

– Да, меня прислал Центр. Прости, отвечать на твои остальные вопросы нет времени.

– Подожди, а как же товар?

– За товар не бойся, его заберут. Здесь работают мои люди. Но надо торопиться, скоро придет вторая смена, – успокоил меня Крыс.

Он выволок меня в коридор. Мое окоченевшее тело отказывалось мне подчиняться. «Придется тебе изображать мертвого», – сказал мне Крыс.

В коридоре стояло два цинковых гроба.

– Забирайся, – указал на гроб Крыс.

– Ты серьезно? – сомневаясь, спросил я.

– Да. Иначе как мы перевезем тебя через блокпост? Я полью тебя птомаинами. Будет вонять как от трупа, но ничего,

потерпишь. Зато к нам никто не придерется. С собой я сделаю то же самое, – объяснил он.

– Я не задохнусь? – беспокоился я.

– Не успеешь. Кроме того, там отверстия есть, – Крыс постучал по крышке гроба.

Я залез в гроб. Крыс и правда полил меня чем-то, от чего сразу защипало глаза, а в горле запершило. Вонь стояла такая, что я сразу почувствовал, как подкатывает тошнота. Я задержал дыхание и приготовился потерять сознание на ближайшее время. Крышка гроба захлопнулась. Я почувствовал, как гроб со мной подняли.

– Все готово, магистр. Ваша машина вас ожидает, – сказал голос, который я узнал. Это был голос одного из военных, что открыл огонь по нам с Ритой.

– Спасибо, сержант. Погрузите товар и груз в машину.

– Будет выполнено, магистр.

Я почувствовал, как гроб опустили. Как оказалось, в такой вони вполне можно дышать и не задохнуться. Рядом с таким же звуком поставили что-то еще. «Гроб с Крысом», – понял я. Мы тронулись, но успели проехать совсем немного, после чего машина остановилась. Блокпост, понял я.

– Что везете, сержант?

– Трупы из камер особого режима, командир. Вот заключение тюремного врача.

– Не выдержали пыток значит? Мало кто выдерживает. С бумагами все в порядке, сержант. Куда вы их везете?

– На общее кладбище.

– Хорошо. Но мне все равно надо проверить машину. Устав требует. Откройте задние двери.

Судя по звуку, кто-то открыл двери. «Ну и вонь! Сколько они там пробыли, что так воняют? Я даже открывать их не хочу. Проезжайте, сержант. Не задохнитесь там, когда будете выгружать их в могилы».

– Спасибо.

Не знаю, сколько времени мы ехали. Запах начал выветриваться, а может быть, я просто успел к нему привыкнуть. Вдруг машина резко встала. Я услышал, как распахнулись двери и почувствовал, как гроб выносят. Какое-то время меня несли, затем гроб со стуком поставили на пол. Крышку гроба резко открыли, и я зажмурил глаза от яркого света.

«Давай, вставай», – услышал я голос Крыса. Я медленно открыл глаза, позволяя им привыкнуть к свету. Крыс протянул мне руку и помог встать. Я огляделся. Мы находились в белом просторном кабинете, ярко освещенном прожекторами с нескольких сторон. В центре комнаты стоял операционный стол, позволяющий фиксировать конечности с помощью кожаных ремней. Рядом со столом стоял столик с хирургическими инструментами. Над столом же возвышался большой монитор, который вел свои провода к компьютеру, занимавшему значительную часть комнаты. Я отряхнулся и вдохнул воздух. После воню, в которой я пролежал, воздух в кабинете мне показался очень свежим.

– Где мы?

– В моей лаборатории, – ответил Крыс. «Ты же в курсе, почему я перестал работать на Центр?»

– Я что-то слышал, но давай не будем об этом. Мне бы лучше выпить чего-нибудь.

Мне не особенно хотелось углубляться в прошлое Крыса, особенно зная его характер. Кроме того, боль в ноге и руке никуда не делись. Головная боль тоже возвращалась.

– Они так и не поняли моего замысла, – Крыс будто бы не слышал меня. Он вознес руки к потолку: «эмка – это не просто наркотик, он позволяет человеку выйти за границы сознания и увидеть то, что находится в других реальностях. Понимаешь это, Антон?»

– Да, я все понимаю, но мне надо перевязать раны. Ты обещал, что мне здесь помогут.

– Тебе это уже не понадобится.

– В смысле?!

Крыс замысловато щелкнул пальцами. Вошли двое бритых молодых людей. Я узнал их. Это были те самые военные, что напали на нас с Ритой в кафе.

– Привязать его к столу, – Крыс кивнул на меня.

– Крыс? Что это все значит? Ты сошел с ума!

Меня потащили к столу. Я вырывался изо всех сил. Они схватили меня за простреленное плечо. Мою правую сторону парализовало от боли. «Ты псих! Я понимаю, почему тебя выгнали из Центра!» Я не прекращал свои попытки вы-

рваться, но им удалось привязать меня.

– О, ты ничего не понимаешь! Для тебя и для Центра эмка – лишь способ заработать. Вы даже не подозреваете, какими удивительными свойствами обладают эти капсулы, если их видоизменить!

Он снова щелкнул пальцами, и в комнату вошла...

– Рита! – Я не мог поверить своим глазам.

– Ты еще не понял? Мы все продумали с самого начала, – сказал Крыс. У меня остался доступ к вашему каналу связи, так что я знал, когда прибудет новая партия, а также твой маршрут. В том, что это будешь ты, Антон, я не сомневался. В Праге из докторов сейчас остался только ты. По счастливой случайности, моя ассистентка, с которой ты уже имел честь познакомиться, – Рита сделала насмешливый реверанс, – работала у Штепанека танцовщицей. Ей нужно было привлечь твое внимание и не вызвать подозрений, – Рита улыбнулась.

– Но зачем устраивать этот цирк с Заслоном? Почему ты не мог привезти меня сюда сразу? И если тебе нужен был только товар, зачем было оставлять меня в живых?

– Видишь ли, Центр принялся бы искать и тебя, и главное, товар. Но зная, что ты попал в Заслон вместе с товаром, для них ты автоматически считаешься мертвым, а товар уничтоженным. Ты знаешь, что доктора оттуда не возвращаются. Поэтому мой человек, который там работает, предложил этот план. Для Центра ты был действительно доставлен в За-

слон, где по их мнению ты и товар сейчас находитесь. Ведь прослушивающее устройство и маячок остались там. Само собой, мне нужен был товар. Но и ты тоже ценный экземпляр для моих экспериментов. Центр тебя искать не будет, так как уверен, что ты в Заслоне. Близких у тебя никого нет, это я знаю точно. Видишь ли, похищать людей с улиц проблематично, а добровольно мало кто соглашается принимать участие в моих экспериментах. Поэтому, ты – идеальный кандидат.

– Я всегда знал, что ты псих!

– Подготовить пациента, – сказал Крыс, и ко мне начали подключать разные провода.

– Пожалуйста, отпусти меня! Я найду тебе столько подопытных, сколько захочешь, только отпусти меня! – закричал я, охваченный чудовищным страхом. Я чувствовал, как мое сердце пытается вырваться из грудной клетки.

– Извини, Антон. Так надо.

Помощники зафиксировали мою голову. Крыс вставил в мой рот металлическую трубку. Я попытался откусить ему палец, но у меня ничего не вышло. На голову мне надели обруч с тонкими проводами, ведущими к монитору. Крыс щелкнул пальцами, и Рита поднесла капсулы.

«Вы станете свидетелями выхода из нашей реальности», – сказал Крыс, осторожно взяв одну из капсул. «Здесь все самые сильные человеческие эмоции, соединенные воедино химической формулой. Высокая концентрация гормонов

оказывает на человеческий мозг фантастический эффект. Узрите же! Все, что увидит он, увидим и мы!» – Крыс указал рукой на экран. Мне закинули капсулу в рот. Из-за трубки капсула сразу прошла мне в горло. Последнее, что я увидел, как Рита, охранники и другие последователи Крыса, заполнившие комнату, пали ниц перед ним. После этого мое сознание погрузилось во тьму.

Я очнулся в абсолютно белом пространстве. На какой-то момент мне показалось, что я парю в воздухе. Но затем пространство начало приобретать очертания комнаты. Но это был не медицинский кабинет Крыса. Эта комната была ослепительно белой, но не было никакого стола, никаких проводов, и я был свободен. Не было ни Крыса, ни его последователей, ни Риты. Никого. Я подумал, что может я сошел с ума? Или я не пережил гормонального всплеска и попал в Чистилище? Я никогда не увлекался религией, но сейчас я готов был поверить во все что угодно. Может быть Крыс действительно был прав? И за пределами нашего сознания находится что-то большее?

– Антон, – прозвучало в комнате. Я обернулся, но никого не увидел. «Показалось? Да вроде нет».

– Антон, – слышалось снова.

Я закрутился волчком вокруг собственной оси, пытаюсь осознать, откуда идет звук. Я посмотрел вправо, потом влево, потом снова вправо, и понял, что смотрю в лицо незна-

комому человеку. Я отпрянул.

– Тебе нечего бояться, Антон, – проговорил человек. Он был среднего возраста, в круглых очках и белом брючном костюме.

– Кто Вы? Бог?

– Я? – человек рассмеялся, – вовсе нет. «Я инженер, моя фамилия Патрушев».

– Что? Какой инженер? И что это за место? – я обвел руками окружающее нас белоснежное пространство.

– Это? Это – идеальный код.

– Код?!

– Да, мы с тобой находимся внутри кода. Видишь ли, Антон, я ведущий инженер проекта Заслон, который сейчас занимается проектированием космических кораблей. И сейчас мы находимся внутри программы запуска.

– Ничего не понимаю. Мы часть кода?

– Ты да, я нет. Я проекция создателя, инженера Патрушева.

– То есть Крыс был прав? Это и есть другая реальность?

– О чем ты?

– Меня похитили сектанты и дали мне сильный гормональный наркотик, чтобы проверить, сможет ли мое сознание попасть в другую реальность. Это были несколько эмка, эссенция из самых сильных человеческих эмоций."

– Эмка? Это наркотик?

– А что это по вашему?

– Это ошибки в коде.

– Что?!

– Не так давно мы обнаружили ошибки в коде запуска, которые, как вирус, поразили большую его часть. Из-за этого код сильно видоизменился. Сейчас моя команда работает над его возвращением в первоначальный вид.

– Подождите, то есть вы хотите сказать, что мой мир, это пораженный код?

– Да, из-за ошибок в системе, или как вы их называете, эмка, код приобрел странные формы. Можно сказать, что мутировал. Поэтому сейчас он такой, каким ты его знаешь. Если бы там не было неисправностей, он бы выглядел так, – Патрушев хлопнул в ладоши, и в его руках появилась полупрозрачная сфера, – вот смотри.

Я приблизился. В сфере кипела жизнь. Много людей в белых одеждах что-то активно строили. Все здания там были тоже белоснежными. Не было ни бесконечного дождя, ни темноты, ничего того, что я бы я знал.

– Так бы выглядел мой мир, если бы не существовало эмка?

– Да. Из-за ошибки в коде он сильно изменился.

– Поэтому Заслон на нас охотится? Устраните нас и эмка, устраните ошибки в коде, и все заработает? И все будет снова выглядеть вот так? – я снова посмотрел на сферу.

– Именно так. Ракета запустится.

– А что будет с нами?

– Вы? Вы перестанете существовать. Вы – ошибка, продукт неисправности системы. После того, как мы все исправим, останутся только первоначальные элементы.

– Я не хочу! Я хочу существовать!

– Тебя и так не существует. Ты всего лишь неисправная часть пораженного кода. Рано или поздно Заслон устранил ошибки.

– Но я не хочу

– Это не от тебя зависит. – Патрушев пожал плечами,

– Неужели это все правда!

Меня охватило жуткое отчаяние. Я бросился бежать. Я бежал по белоснежной пустоте, заслонив руками лицо, и отовсюду мне слышались слова: «Тебе некуда бежать, код будет исправлен. Вы перестанете существовать. Код будет исправлен, вы перестанете существовать....»

Я бежал и бежал, ослепительный белый свет застилал мне глаза. Я продолжал бежать, не разбирая пути. Как вдруг....

–Тррррррррррррр.

Мой мозг пронзила резкая трель будильника. Не открывая глаз, я попытался нащупать рядом с собой телефон. Я выключил его и отбросил в сторону. Все таки пришлось открыть глаза. На часах восемь часов вечера. Пора собираться. Или не пора?